

С. 24

Скрипачка Татьяна Гринденко и композитор Владимир Мартынов — в интервью «Газете»

«Современный человек не привык любоваться музыкой»

18 декабря в Концертном зале имени Чайковского состоится концерт, посвященный нескольким датам — юбилею скрипачки Татьяны Гринденко и композитора Владимира Мартынова, 25-летию коллектива «Академия старинной музыки». О концерте и собственных взглядах на творчество и исполнительство юбиляры рассказали Григорию Дурново.

Какова будет программа концерта?

Татьяна Гринденко: В первом отделении будут исполнены «Любовные мадригалы» Монтеверди, а во втором состоится российская премьера оперы Мартынова «Упражнения и танцы Гвидо», связанной с именем знаменитого монаха Гвидо Аретинского, создателя нынешней музыкальной письменности. Мне кажется, что Монтеверди по духу очень близок Гвидо Аретинскому.

Владимир Мартынов: «Упражнения и танцы Гвидо» — это опера об опере или, может быть, о невозможности написать оперу. Суть ее в том, что Гвидо изобрел шесть названий нот, которые сопрягаются с шестью ступенями восхождения души к Богу у богослова Бонавентуры. В какой-то степени это антиопера. Хотя в ней и используются различные оперные красоты, но они все время проваливаются в архаические григорианские хоралы.

ФОТОГРАФ: ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВ / ГАЗЕТА

А в самом конце ансамбль Opus Posth имитирует хард-роковые риффы. Мне, с одной стороны, хотелось показать эти красоты, но в то же время дать понять, что они нам больше не присущи и не доступны.

Т.Г.: Это антиопера еще и потому, что в традиционном представлении в опере должна быть обязательно какая-то любовная интрига, что-нибудь такое, что бы вас по-человечески трогало. А здесь ничего не трогает, кроме безумно красивой музыки. Мне кажется, что современный человек не привык любоваться музыкой, ему обязательно нужны литературные зацепки.

Татьяна Тихоновна, как получилось, что у вас как будто бы два ансамбля — «Академия старинной музыки» и Opus

Posth, притом что состав их почти идентичен?

Т.Г.: Мне кажется, что глупо и естественно упорствовать и заявлять, что мы — «Академия старинной музыки», и одновременно исполнять произведения современных авторов. У «Академии старинной музыки» была и есть своя ниша, но такие композиторы, как Мартынов, Павел Карманов и другие, пали жертвой особого звука, которым мы владеем, и стали для нас писать. Получилось, что у нас практически одни и те же люди играют старинную и

ФОТОГРАФ: МАКСИМ КОНЫЕВ / ГАЗЕТА

современную музыку, но при этом мы пользуемся разными инструментами. Вообще я считаю, что, не играя музыку своего времени, человек в принципе не способен

понять музыку старую. Ошибка всех аутентичных ансамблей — и наших, и западных — тупое упорство игры в трактаты, которые ничем не одухотворены. Трактат — это всего лишь основание, грамота, дальше должна идти свобода таланта, свобода духа, которую может дать только искусство твоего времени, то, в чем ты живешь.

Как возник театральный элемент в ваших выступлениях — монашеские костюмы, маски?

Т.Г.: У нас никакого театрального элемента нет. Это не костюмы, а антикостюмы. Они и не монашеские, я сама их придумала по мотивам разных ритуальных одежд. Мне было важно, чтобы мужчины и женщины были одеты одинаково. Каждого можно опознать, но психологического лица у нас нет. Эта сценическая одежда нужна нам, чтобы публике ничто не мешало слышать музыку. А маски возникли потому, что я считаю — музыкант должен возвратиться к старому времени, на тысячи лет назад, когда исполнитель скрывал личность за маской. Когда мы играем в масках, как ни странно, звук резко меняется, потому что люди автоматически начинают работать на общую идею.

В.М.: Кстати, почему у вас не возникает аналогичного вопроса, когда люди выходят на сцену во фраках и бабочках? Это же очень смешно, это еще больший маскарад!

Как складывается ваше сотрудничество с неожиданными для академического ансамбля партнерами — Сингапурским индийским оркестром или группой «Аукцыон»?

Т.Г.: Когда нужен свежий воздух, ты обязательно его находишь. И тогда возникает ощущение, будто у тебя в голове открывается новое полушарие, которое всегда было закрыто. Это не похоже на ситуацию, когда известные академические музыканты вроде Менухина говорят кому-нибудь: «А давайте сыграем вместе джаз!» То, что у них получается, конечно, очень мило и приятно, но не несет в себе никакой идеи, это просто развлечение. А для меня подобное сотрудничество — это постоянное движение. Я считаю, что академический музыкант сейчас находится в самом жутком положении, потому что он своей деятельностью перекрывает воздух тому новому, что может появиться.

В.М.: Очевидно, что ситуация академического концерта умерла. Поэтому идут попытки разбить эту скорлупу — любым способом, с кем угодно, только не со своими собратьями. Только уберите академических музыкантов! Как у Бодлера: «Куда угодно, лишь бы прочь из этого мира!» Поэтому, если мы хотим быть живы, мы должны ликвидировать ситуацию академического музицирования. ГАЗЕТА